

В десятку!

Приехав в Театр на Малой Бронной и спросив, как пройти к Льву Дурову, я услышала несколько странный ответ: «Он сейчас на сцене, но вы подождите немного, он скоро подбежит». Уже через пару минут раздались чьи-то быстрые шаги и на меня чуть не налетел вбежавший в комнату в костюме дворянина (зеленый сюртук и бант, завязанный на шее) маленький старичок, что-то напевавший себе под нос, который при ближайшем рассмотрении оказался тем, кого я и ждала.

Собеседник. — 1996. — № 2. С. 10

— Лев Константинович, вы в мыслях не ездите на охоту в обществе борзых и крепостных? Вот и костюмчик у вас под стать...

— Чего?!

— Да я тут вычитала в одном старинном геральдическом справочнике, что родословная дворян Дуровых начинается аж с 1540 года и в числе ваших предков даже известнейшая героиня Отечественной войны кавалерист-девица Дурова. Сейчас модно вспоминать свои корни. Вы в связи с этим случайно не собираетесь вступить в Дворянское собрание, как это сделали Пугачева с Киркоровым?

— Нет, что вы! Племянник предложил мне это сделать, но я сказал, что работаю в другом театре и в этом выступать не буду.

— Последние поколения вашей династии были связаны с цирком. Интересно, почему это вы вдруг решили стать актером, а не дрессировщиком?

— Обычно в цирк с детства идут, а со мной этого как-то не случилось — без особых усилий я поступил в театральное училище.

— Вы сейчас много играете в театре, ставите спектакли и одновременно преподаете в Школе-студии МХАТ. Однако ведь вы уже человек в возрасте. Не сложно держать такой темп?

— Пока нет. Единственная проблема — нехватка времени. Мне бы еще восемь часов в сутки...

— И вам не охота все бросить?

— Нет. У меня характер такой. Вы знаете, как-то у режиссера Анатолия Эфроса

цией, и он орет на всех подряд. Не дай Боже! Знаете, в чем мне приходится каяться? Я никогда первый никому не нахамлю. Но если кто-то хамит мне, то ему приходится худо, меня ничто уже не сдерживает. В итоге этот человек уже сам бывает не рад, что со мной связался. Кстати, больше всего в жизни не переношу, когда к человеку сверху обращаются.

— Но вы же сами начальник! Никогда не поверю, что не разговариваете со своими подчиненными сверху — вам это по должности положено.

— Никогда в жизни! В мои красные шарик такое не входит. Нет, это невозможно: для меня все в театре родные — начиная от сантехника и электрика. Как же я могу на родню смотреть свысока? Между прочим, дело тут в нашем пролетарском государстве. Вспомните, с каким презрением мы говорим о дворниках. Как это, сын пойдешь в дворники?! Это же такой позор! А дворник — это достаточно уважаемая профессия, он не убирает за нами дерьмо, а подметает земной шар. Я всегда, когда иду в театр через двор, считаю своим долгом первым с ними поздороваться.

— Помню, как-то на вопрос «Кто такой современный актер?» вы ответили, что это умный, образованный и талантливый человек. Вы тоже себя считаете таким умным и гениальным?

— Я, конечно, не дурак, хотя умен в основном по профессии. По другим делам я полный болван, особенно в ма-

фото Ольга Чуменко

нально махать конечностями? — Конечно, я не был каратистом и впервые карате начал заниматься на съемках этого фильма. Но когда снимаешься в кино, то приходится приобретать хотя бы навыки различных профессий: это необходимо, потому что это чудовищно, когда какая-то актриса пытается изобразить, как она чулок вяжет, никогда до этого не державши спиц в руке. Поэтому пришлось заниматься с каратистами. С тех пор у меня выбит палец: тренировались мы как-то, и один каратист шлепнул меня по руке — сильно. Я от неожиданной боли ему тут же ответил.

— Но, наверное, самые сложные трюки за вас выполнял дублер?

— У меня не было дублера. Я и в «Тридцать четвертом скором» все трюки сам делал, а там надо было из горящего вагона на лошадь выпрыгивать. Причем мы на самом деле там чуть не сгорели. Дело в том, что какой-то умник перед съемками покрасил вагон, а свежая краска известно как горит. Но выкарабкались.

— Вы театральные режиссер, ставите много спектаклей. А никогда не было желания снять фильм?

— Нет, не было. Мне предлагали, но я считаю, если снимать, то надо снимать кино, а не театр, перенесенный на экран, что делают девяносто процентов кинорежиссеров. У кино, как и у телевидения, есть свой язык. Вот Тарковский, Бергман, Феллини, Параджанов, Климов нашли свой язык и снимали кино. А что у остальных киношного-то? То, что пейзаж, то, что на природе. И все. Да и потом: я не смогу бросить театр на год, на два. Ведь девяносто процентов времени проводишь здесь.

— И когда же вы отдыхали в последний раз?

— Не помню. Знаете, я однажды в Ленинграде искал Юрия Никулина в цирковой гостинице. Иду, а мне навстречу —

один старый артист навеселе и говорит так горестно: «Дуров, скажи, зачем дают артисту выходной?» И проплелся мимо меня. Я понял, что артисту выходного дня не надо давать. Было очень смешно, он так искренне это спросил, что стало понятно: из-за выходного он превратился в свинью, а не дали бы, он бы сейчас спокойно работал. Я же предпочитаю пролежать целый день на диване и смотреть телевизор. Хотя когда-нибудь меня все равно положат, если не навсегда, то на время (не дай Бог такого). Я боюсь только одного: тяжело заболеть. Умереть сразу я не боюсь, потому что все мы смертны, а стать обузой и самого себя ненавидеть за слабость, за немощь — вот это ужасно. Я хотел бы умереть мгновенно, как многие актеры.

— А о чем вы мечтаете?

— Чтоб спектакль удачный получился, ведь я впервые взялся за мюзикл. А еще хорошо сыграть в спектакле «Дон Кихот» роль Санчо Пансы, а там есть и опера, и балет. Придется мне и петь, и танцевать. Охота посмотреть, каков я в балете. Ведь в жизни все надо попробовать.

— Гм! Странно, почему же тогда... Да просто везет мне!

— Помню, в популярном когда-то фильме «Не бойся, я с тобой» вы играли каратиста, причем делали это превосходно. Как вам удалось так профессио-

Лев Дуров: «Я, конечно, не дурак...»

Известного актера скоро можно будет увидеть в балете

спросили: «Как остановить Дурова?» Он подумал и сказал: «Не надо, а то он тут же умрет». Пока у меня есть силы, меня на все хватает. Когда будет трудно, завяжу с этим.

— Кстати, о вашем характере. Вы сами как-то признались, что вспыльчивы. Сильно достаётся вашим актерам из-за этого?

— Еще бы! Но мы так давно вместе работаем, что они уже привыкли и не обижаются. Это ведь все от любви! К тому же я не тот человек, которому нужна какая-то определенная накачка перед репети-

тематике и физике — здесь я полный идиот. А вот на сцене человек я способный, играю так, как не всякий сумеет, это я знаю.

— Ваши герои — это в основном «маленькие люди». Например, мельник в «Бумбараше», Клаус в «Семнадцати мгновениях весны», Яго в «Отелло». Но вы как-то признались, что всегда мечтали сыграть героя-любownika...

— Нет, этого я не говорил.

— Ну как же, ведь это ваши слова: «Кабы мне бы да усы, кабы росту мне да пыл, я б герой-любownik был».

— Ах, эти... Мои, но только это скороговорка такая, шутка. Я ведь реально понимаю свои внешние данные. И не жалею о судьбе за это. Я со своей внешностью играл то, что может быть не дано красавцам: Достоевского, Чехова, Шекспира.

— Неужели никогда не хотелось быть любимцем женщины?

— Не-е. Да ради Бога, пусть их красавцы играют. А то если мы начнем играть героев-любowników, что же тогда им останется, с алебардой сзади нас стоять?

— Между прочим, вы в кино вообще-то очень мало снимали

в главных ролях. Поди, обидно было страсть?

— А чего обижаться-то? На кого?

— На режиссеров.

— На каких? На Рязанова? У него Мягков герой. Он его выбрал. Это все равно что обижаться на всех красавиц мира, которые предпочли мне своих мужей. Это значит, надо обижаться на Софи Лорен, на Брижит Бардо: что же они с ума, что ли, спятили — я здесь вот такой хороший, а они вышли замуж за других. Нет, у меня никогда не было такого болезненного ощущения обиды. Я доволен

своей жизнью и своими ролями. Дай Бог и остальным такого разнообразия, что было и у меня.

— А вот в своем театре вы играете исключительно персонажей прошлых веков. С чего бы?

— Понимаете, скажем, ту же Джульетту на сцене всегда играет только актриса зрелого возраста — девочка не сыграет, как надо. В кино, может, и сыграет, но в театре — никогда. Для этого нужен опыт. А он у меня, слава Богу, есть. Хотя нет, подождите, сейчас у нас в «Идиоте» играют все молодые, и хорошо играют.

АВТОШКОЛА
Продолжительность занятий — 2,0 мес.
Стоимость обучения 1.100 тыс. рублей
Экзамен в ГАИ и МЕДКОМИССИЯ организованы
Теория в разных районах — утром, днем, вечером
Тел. (095) 909-43-28

Еженедельник «Собеседник» реализует со скидкой 30% путевки в летние круизы по Средиземному морю в маршрутах известнейших туристических компаний. Лучшая гарантия вашего отдыха — авторитет нашей газеты.
Тел.: 285-28-45, 285-79-87.

Фотоотдел еженедельника «Собеседник» предлагает всем заинтересованным лицам свои услуги в проведении фотографических работ любого вида и любой степени сложности.
За информацией обращаться по телефонам: 285-56-89, 285-19-96.

Беседовала Марина АНДРИЕНКО.

06.96

Дуров Лев